

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОТЕСТ

ЕЛИЗАВЕТА ГРОМОГЛАСОВА

Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье исследуется взаимосвязь между глобализацией и массовым протестом. Предложен новый подход к данной проблематике, выводящий ее за рамки антиглобалистского дискурса. Ретроспективный анализ масштабных транснациональных акций протеста биполярной эпохи: студенческих выступлений 1968 г. и волны «бархатных» революций 1989 года – показывает, что наблюдаемые на уровне социума перемены уже в эпоху биполярности были во многом вызваны процессами глобализации и реакцией на них. Исследование наиболее многочисленных акций гражданского неповиновения постбиполярной эпохи также выявляет значимость факторов, связанных с процессами глобализации, в комплексе причин, обусловивших возникновение протеста. Статья объясняет протестное поведение масс как экспрессивный ответ на ущемление их консьюмеристской идентичности. Предпринятый в статье анализ социокультурных факторов транснациональных протестных волн служит верификации некоторых положений мирополитического подхода. Затрагиваются вопросы о новых участниках мировой политики, ее «анклавной» природе и влиянии глобальной протестной динамики на систему МО в целом.

Ключевые слова:

массовый протест; глобализация; студенческие волнения 1968 года; бархатные революции 1989 года; антиглобализм; «цветные революции»; мировой финансово-экономический кризис; Арабская весна; Оссуры Wall Street; Евромайдан.

Феномен массового протеста вряд ли можно отнести к числу глубоко изученных специалистами по мировой политике. Такое положение дел нельзя считать удовлетворительным. Очевидно, что влияние «цветных революций» 2000-х годов, а затем транснациональной протестной волны 2010-х годов на международные отношения было весьма ощутимым и, скорее, негативным для всех вовлеченных сторон. Протесты изменили внутривнутриполитическую ситуацию в ряде стран, сказались на облике целых регионов, породили новые вызовы, снизили уровень доверия между государствами. Относительный дефицит мирополитического осмысления массовых протестов последних лет стал заполняться публикациями, посвященными «цветным революциям», «Арабской весне», сети «Оссуры»,

движению возмущенных и другим протестным кампаниям [Сапронова 2011; Пономарева 2012; Яковлев 2012; Колпакова 2012; Зайцев 2014; Галаганова 2015; Anderson 2011; Milkman 2014; Spreading protest: social movements in times of crisis 2014].

Между тем для выработки системного понимания транснациональной протестной динамики предпринимаемые усилия, очевидно, недостаточны. Уже во второй половине XX в. протестные выступления (прежде всего, в государствах социалистического лагеря в конце 1960-х – 1970-х годах) сформировали фон взаимодействия США и СССР, особенно на гуманитарном направлении. Гораздо более ощутимое и непосредственное влияние на биполярный порядок оказали бархатные революции конца 1980-х годов.

Последующее десятилетие открыло дорогу новому транснациональному движению – антиглобализму. Правда, его влияние на мировую политику было ограниченным. *Во-первых*, в связи с тем, что мишенями протестующих были институты глобального управления (МВФ, ВТО, Мировой банк, «группа восьми»), а не отдельные правительства. *Во-вторых*, антиглобалистское движение было сетевым по своей структуре и методам управления и после ряда успешных кампаний, распалось на множество мелких групп с ограниченными ресурсными возможностями. Тем не менее оно продемонстрировало наличие устойчивых признаков и элементов глобального гражданского общества, способного оказывать, пусть незначительное, воздействие на институты глобального управления и на общемировую публичную сферу.

Одновременно с антиглобализмом в мировой политике стало все явственнее проявляться новое явление: ненасильственные протесты, вспыхивавшие после выборов в разных странах мира. Средства массовой информации обозначили его как «цветные революции». Рефлексия по поводу их природы и значения продолжается, но уже сейчас видно, что они становятся симптомом нового качества всей системы международных отношений. Границы государства и традиционно понимаемый суверенитет не изолируют общество от транснациональных воздействий (экономических, идеологических, информационных, визуально-образных). Вопрос о том, чего в подобных выступлениях больше – внутренних причин или внешних, в том числе и связанных со стратегическими целями других государств, – остается предметом активных дискуссий.

Наконец, мировой финансово-экономический кризис 2008 г. вызвал к жизни новую транснациональную протестную волну. Среди протестных кампаний начала 2010-х годов наиболее примечательной стали социально-политические выступления в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В популярном сознании они за-

крепились как «Арабская весна». Это пример массового протеста в еще одной западной части мира. «Арабская весна» не только не способствовала стабилизации на Ближнем Востоке, но создала социальную базу поддержки радикальных террористических организаций, таких, как ИГИЛ.

Массовый протест, особенно в сегодняшнем взаимозависимом мире, ведет к политической дестабилизации, международные последствия которой трудно предугадать. «Евромайдан» 2013–2014 годов, генетически восходящий к протестной волне, спровоцированной мировым финансово-экономическим кризисом, стал исходной точкой политического кризиса на Украине, переросшего в масштабный международный конфликт.

Методология анализа политического протеста и его транснационализации все еще остается незаполненной лакуной в рамках мирополитического подхода (в противовес сравнительно-политологическому или классическому межгосударственному). В настоящей статье предлагается рассматривать возникновение протестных волн как реакцию масс на процессы глобализации. На первый план выдвигаются социокультурные объяснения формирования протестной идентичности. В такой трактовке протест – одна из составляющих современной глобальной «среды». Предлагаемая аналитическая модель могла бы быть полезной в фиксации объективно обусловленной динамики выступлений в мире. Подобный подход позволит освободить мирополитический анализ от чрезмерного акцента на роли внешних игроков во внутренней дестабилизации [Шульц 2015], который невольно вызывает ассоциации с конспирологическими «теориями».

В основу статьи положен анализ массовых протестных выступлений начиная с 1968 и по 2014 годы. Первая дата взята в качестве точки отсчета как первый пример масштабной транснационализации протеста в биполярном мире, когда антисистемные выступления приняли действительно глобальный характер. Изучение

значительного временного периода невозможно без использования ряда методологических приемов, которые позволяют избежать упрощений и схематизма. Прежде всего, это критерий масштаба: из собранного массива эмпирических данных будут выделены протестные кампании, распространившиеся на несколько стран. Одновременно необходимо следование принципу историзма: мы учитываем предшествующую и последующую динамику событий. Иными словами, причины протестной волны и ее следствия, включая как воздействие на политические институты страны, так и трансформацию протеста в иные формы политической мобилизации.

Углубленный качественный анализ рассматриваемых проблем призван раскрыть глобальные тенденции протестной активности, их объективные причины. В нашем случае речь идет о «бессубъектной» политике и таких «рубриках» ее анализа, как политическая экономия массового протеста. Наличие взаимосвязи между процессами глобализации и массовыми протестными движениями в работе раскрывается с помощью понятия «общество потребления». Под ним понимается такая стадия развития общественных отношений, когда «потребление охватывает всю жизнь» [Бодрийяр 2006: 9]. Сегодня «потребитель – это одна из главнейших ролей, которые люди играют в жизни» [Harrison 2009]. При этом современное потребление – это не столько рациональный процесс удовлетворения потребностей, сколько способ обозначения своего положения в социуме [Belk 2004; Lehdonvirta 2012; Mauss 2011; McCracken 1990]. Одновременно общество потребления – это система отношений, наиболее восприимчивая к процессам глобализации, а также наиболее непосредственно вторгающаяся не только в будничную, частную жизнь индивидов по всему миру, но и в идеальную сферу их представлений о себе и завтрашнем дне.

Изучение протестной волны 1968 г. дало толчок разработке американским социологом И. Валлерстайном мир-системного подхода. Он справедливо отмечал, что события 1968 г. являлись «мировой революцией», участники которой бунтовали одновременно против гегемонии США и ее фактической поддержки со стороны СССР, проявлявшейся в разделе «сфер влияния» между двумя сверхдержавами [Wallerstein 2002].

Уникальность событий 1968 г. состоит в том, что они продемонстрировали неожиданно высокую степень гражданской солидарности и единства в мире, разделенном на два противоборствующих лагеря. События 1968-1969 годов по-разному, но затронули центр и периферию мировой системы капитализма, социализма, а также не обошли стороной некоторые из развивающихся стран.

Показательным примером выхода социально-политической мобилизации за пределы Запада стали события в Чехословакии. Они получили стремительное развитие после того как 5 января 1968 г. первым секретарем коммунистической партии страны был избран А. Дубчек, выступавший за проведение масштабных общественных реформ. С одной стороны, феномен «Пражской весны» имеет национальную специфику, с другой – он вписан в глобальный контекст событий 1968 года. Свидетельством последнего стало участие в майском параде в Праге хиппи¹. Паралельно с набиравшими силу реформами в Чехословакии с начала 1968 г. расширялась протестная волна в странах Запада (прежде всего в Великобритании, Германии, Франции, Италии, Швеции, США). Она имела несколько идеологических центров, аккумулируя недовольство различных групп, но одновременно мобилизуя новые, связанные с глобализацией и потому общие элементы самоидентификации протестующих.

Одной из идеологических платформ протестной мобилизации было антивоен-

¹ Czechoslovakia: Besieged Reformer. The Time. Friday, May 10, 1968.

ное движение, которое в 1968 г. проявляло себя весьма активно. Другой идеологический центр протеста в капиталистических странах, и прежде всего в США, развился благодаря деятельности афроамериканского проповедника М.Л. Кинга и вдохновенного им движения за гражданские права. Наконец, громко заявило о себе студенческое движение, наиболее интернационализированное по своему характеру. Именно оно наиболее четко выражало те изменения в личной самоидентификации, которые произошли в связи с наступлением эры товарного изобилия.

Возникновение протестной волны обуславливалось рядом обстоятельств. В развитых странах в 1960-х годов сформировалось «общество изобилия». Связанные с ним перемены в образе жизни миллионов людей стали следствием постепенно набравшей силу экономической глобализации [Jones 2005]². Основной протестной группой выступила молодежь, тем более что бэби-бум конца 1940-х годов обеспечил повышение ее доли среди трудоспособного населения в странах Запада. Несмотря на то что впоследствии сложилась традиция анализа причин акций 1968 г. исходя из национальной специфики каждой протестной кампании, нельзя не видеть, что многие непосредственные участники событий 1968 г. верили, что их действия были связаны с глобальным бунтом против капитализма, империализма и колониализма [Fink, et. al. 1998: 3].

Если искать в событиях 1968 г. политико-экономический подтекст, стоит обратиться к более подробному анализу возникшего вследствие «долгого бума» в государствах Запада общества потребления. Его становление означало появление новых социальных отношений. Ключевая отличительная характеристика общества потребления – товарное изобилие, которое в корне меняет среду обитания индивидов. Оно восприни-

мается как законное, неотчуждаемое и естественное право [Бодрийяр 2006: 13]. При этом потребитель осознает отличительные формы своего поведения как свободу, стремление, выбор. «Революция изобилия» привносит вместе с собой терпимость в социальные отношения, когда идеологии, ценности и традиции становятся просто объектами обмена. Как таковой релятивизм стал важным принципом адаптации к системе и обществу потребления.

С этих теоретических позиций протестная волна 1968 г. предстает как бунт против архаичных с точки зрения потребительской ментальности форм регулирования общественной и частной жизни. Существовавшие на тот момент в странах Запада образовательная система, институт брака и множество установлений, регулировавших повседневность, вплоть до моды, стали восприниматься как технологии власти в политической и частной (семейной и религиозной) сферах. 1968 год предложил миру более радикальное видение свободы. Либерализм обогатился новыми смыслами, а выбор идентичности уже не зависел от природных, семейных и социальных детерминант.

Западные общества пожинали вполне реальные плоды в результате «культурной революции» 1960-х годов. Внедрение принципа равенства на рынках труда открыло дорогу более гибким подходам к их регулированию. Эмансипация молодежи также дала вполне ощутимый эффект. Трудно переоценить роль американского студенчества в разработке первых инноваций «компьютерного века». С позиции сегодняшнего дня политическая активность социальных групп, добившихся благодаря протестам конца 1960-х годов больших прав и свобод (женщины, молодежь, этнические меньшинства) заслуживает специального анализа. Прежде всего в связи с тем, что глобальный мир дает огромную свободу идентифи-

² Восстановлению глобальной экономики после Второй мировой войны способствовали реализация Бреттон-Вудских договоренностей и программы экономической помощи США государствам Западной Европы (план Маршалла) и Японии. Они создали основу для так называемого долгого бума, продлившегося с начала 1950-х до начала 1970-х годов. Это был период высоких среднегодовых темпов роста ВВП развитых стран Запада и Японии. «Золотой век» капитализма характеризовался полной занятостью.

кационного выбора эмансипированным индивидам, а 1968 год остается для многих из них значимым ценностным ориентиром.

Наследие «культурной революции» [Marwick 2004] может определять сегодняшнее различие между западными и незападными ценностями. Оно проявляется даже на примере сегодняшней «объединенной Европы». Опросы, проведенные в ходе Европейского социального исследования в 2002–2011 годов, показывают, что сохраняются существенные культурные различия между жителями Западной и Восточной Европы³. Это вполне объяснимо, если принять во внимание выступления 1968 годов. В Восточной Европе они существенно отличались по динамике, характеру и целеполаганию, фактически не затронув такие сферы жизни, как семья и религия. Между тем именно эти институты в основном оказывались мишенью критики протестующих в странах Запада.

Таким образом, бунты 1968 г. стали реакцией на дефицит свободы выбора в общественных и частных отношениях. Распространяя этот подход на последующие массовые протесты, мы покажем, что с развитием глобализации видоизменяется и общество потребления, а протестная идентичность масс может складываться вокруг новых форм дефицита.

2

Новым «глобальным» годом в истории массовых протестов стал 1989-й. С точки зрения мирополитических исследований феномен «бархатных революций» – предмет повышенного интереса. Массовые протестные демонстрации рубежа 1980–1990-х годов в соцстранах, а затем в СССР привели к распаду социалистического содружества, а с ним – и всего биполярного

мироустройства. Вопрос, который не снят с повестки дня исследований этого периода, связан с соотношением процесса внутренних преобразований в странах Центральной и Восточной Европы и стратегического развития «холодной войны» на завершающем ее этапе.

Гражданские ненасильственные протесты в социалистических странах учитывались стратегами биполярного противостояния. В США внимательно следили за процессами, происходившими в 1970-х годах в Польше (одной из немногих Центральной и Восточной Европы, в которой после подавления «Пражской весны» сохранялась заметная протестная активность). На рубеже 1980-х годов Соединенные Штаты использовали различные дипломатические средства сдерживания СССР на восточноевропейском (польском) направлении с целью исключить возможность повторения пражского сценария⁴. В то же время после Хельсинкского заключительного акта 1975 г. эта угроза существенно уменьшилась. В результате прихода к власти в СССР М.С. Горбачева, провозглашения им «нового политического мышления» и отмены «доктрины Брежнева» эта угроза была сведена к минимуму. Такой ход событий в немалой мере был обусловлен структурным давлением общемировых процессов 1980-х годов на государственные системы и общества социалистических стран.

К концу 1980-х годов прошлого века в мировой экономике уже полным ходом шел процесс глобализации [The Oxford Handbook of Business History 2008: 149–150]. Национальные экономики стран Запада переходили на пятый технологический уклад, стремительно распространялись новые информационно-коммуникационные технологии, финансовый сектор становил-

³ European Social Survey. Exploring public attitudes, informing public policy. Selected findings from the first five rounds. – L.: City University of London, July 2013. P.5. Available at: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/ESS1_5_select_findings.pdf (accessed: 02.07.2015).

⁴ Interview with Dr. Zbigniew Brzezinski (13/6/97). Интернет-доступ: <http://nsarchive.gwu.edu/coldwar/interviews/episode-17/brzezinski1.html> [дата обращения 27.06.2015].

⁵ Первый этап нерегулируемой финансовой глобализации можно отнести к созданию рынка евро-валют в начале 1960-х годов, когда его участникам удалось «кусальнознуть» от предписаний национальных регуляторов.

ся транснационализированным⁵ [O'Brien, Williams 2007]. Вместе с тем этот процесс перемен не стал еще в полном смысле глобальным. В него практически не был втянут социалистический лагерь⁶.

Изменение стандартов жизни в 1980-х годах в США было связано с выходом на рынок ряда технических новинок (видеомагнитофонов, стереосистем, персональных компьютеров), развитием кабельного телевидения, распространением видеоигр. К 1990 г. 72% домохозяйств США обладали микроволновыми печами, 58% – акустическими системами, включая компактные плейеры; 61% – видеомагнитофонами и видеоплейерами; 15% – персональными компьютерами [Boyle Gray 1992: 20]. Эти продукты позволили по-новому организовать свободное время. В результате «с гедонизма 1970-х» акцент сместился на здоровый образ жизни, активно развивалась сфера оздоровительных и рекреационных услуг⁷. Исследователи социальной истории отмечают сходный тренд в Западной Европе 1980-х, полагая что этот период ознаменовался возникновением в ней так называемого общества досуга⁸. Если в 1960-х годах туризм выходного дня охватывал только 10% населения ФРГ, то в 1980-х годах таких туристов было уже 40%. Машины, телевидение и одежда превратились в статусные символы. Одновременно возрос спрос на предметы, организующие досуг (камеры, музыкальное и видеооборудование, спортивное снаряжение).

Западный образ жизни, транслируемый через индустрию СМИ, рекламы и кинематографа, составлял разительный кон-

траст с социалистической повседневностью 1980-х годов. Как отмечают исследователи общества потребления в Польше, в 1980-х годах простые граждане нуждались в товарах повседневного спроса и осознавали неспособность социалистического государства обеспечить удовлетворение их рутинных бытовых нужд⁹. Проблема состояла не просто в товарном дефиците, а в неспособности социалистической системы обеспечить свободу потребительского выбора. Она могла быть гарантирована только в том случае, «если товары, производимые в различных частях мира, легко доступны, а у потребителей есть возможность сделать собственный выбор среди этих товаров» [Tomka 2013: 233]. Трудности в поддержании жизненных стандартов, которые соответствовали бы изменившемуся духу времени, стали одной из многочисленных причин, обусловивших крах социализма в Восточной Европе и СССР.

Любопытна трансформация идентификации советской элиты. Для нее (по меньшей мере с брежневской эпохи) был характерен статусный консьюмеризм, то есть стремление не отличаться по модели потребления от истеблишмента развитых стран¹⁰ [Hirszowicz 1980: 115–117]. Принятие западных ценностей общества потребления СССР оставалось только вопросом времени. В идеологическом плане советский марксизм-ленинизм 1980-х годов ничего не мог противопоставить «пришествию» новых целей экономики изобилия. В то же время он сам видоизменился, превратившись в обертку, лишенную субстантивного наполнения: «в течение семи де-

⁶ В то время как экономика КНР была значительно сильнее втянута в мирохозяйственные связи, что выражалось в ее открытости для прямых иностранных инвестиций.

⁷ Life in the 1980s. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ushistory.org/us/59d.asp> (дата обращения: 28.12.2015)

⁸ Poser S. Leisure Time and Technology. European History Online. 26.09.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://ieg-ego.eu/en/threads/crossroads/technified-environments/stefan-poser-leisure-time-and-technology> (дата обращения: 28.12.2015)

⁹ Nowak B. Consumerism in Poland. Project 'Making the History of 1989'. [Электронный ресурс] URL: <https://chnm.gmu.edu/1989/exhibits/consumerism-in-poland/essay> (дата обращения: 28.12.2015).

¹⁰ Отсюда, возможно, происходило увлечение позднесоветских элит закрытыми клубными мероприятиями в «старой» Европе, подчеркивавшими статус приглашенных. Характерно, что в самой Европе к тем же знакам статусного различия стремились разного рода маргиналы. Известно было, например, то же увлечение балами австрийского политика Й.Хайдера.

сятилетий советский марксизм утратил свои особенности в качестве отдельной идеологии и вместо этого стал всеохватывающей системой идеологических знаков, которые могли приобретать любое желаемое значение» [Epstein 1990: 75].

Эра гласности и перестройки не только не изменила сущности советской ментальности, но вынесла идеологию за рамки тоталитаризма, сделав ее универсальной [Epstein 1990: 79]. В этой связи М. Эпштейн прямо говорит о «симулякрах» [Бодрийяр, 2015] советской идеологической системы¹¹. Ее «гиперреальность» отражалась в поведении М.С. Горбачева на международной арене и стиле его внешней политики. Она стала приобретать черты традиционной дипломатии, придающий большой вес устным договоренностям [Емельянов 2005: 47], отличающейся склонностью к непомерным уступкам (одариванию партнера). Характерны оценки зарубежных наблюдателей многочисленных инициатив М.С. Горбачева. Согласно одной из них, «подвиг Горбачева является “тем более выдающимся”, что он достиг мирового признания, понимая, а возможно, и учитывая, что государство, которое он возглавляет, гораздо слабее, чем можно было предположить» [Бешлосс, Тэлботт 1994: 70].

В результате окончание «холодной войны» поначалу воспринималось как ситуация обоюдного выигрыша. (Лишь впоследствии в России стало расти осознание того, что на кон на завершающем этапе «холодной войны» были поставлены дипломатические плоды победы СССР во Второй мировой войне.) Запад получал демократизирующихся партнеров, а население и элиты социалистических стран — признание в «свободном мире» и доступ к западной системе вещей. «В течение хаотичных дней окончания «холодной войны» в ГДР и повсюду в Восточной Европе сделанные в капиталистических странах потребительские товары рассматривались одновременно как символы и сущность свободы. Опубликованные СМИ изображения ты-

сяч новых покупателей, возвращающихся в Восточный Берлин с желанными продуктами массового спроса, казалось, стали символами как разрушения барьеров холодной войны, так и победы капиталистического массового консьюмеризма» [Rosenberg 2010: 489].

За скобками этой статьи остается вопрос о том, вписываются ли массовые протесты второй половины 1980-х годов в государствах Азии (и прежде всего в Китае) в рамки предлагаемой концепции, связывающей воедино процессы глобализации, метаморфозы общества потребления и возникновение транснациональных протестных движений. Он требует отдельного исследования. Вместе с тем ряд имеющихся работ показывают, что основания для утвердительного ответа велики. В частности, Э. Розенберг отмечает, что очарование вещей и шарм капитализма охватили урбанизированную часть КНР в конце 1980-х годов [Rosenberg 2010: 504]. О. Шелл приходит к выводу, что взрывной рост популярности западной рок-музыки был одним из катализаторов важнейших политических событий в этой стране [Schell 1988: 16–18, 110–111].

После «бархатных революций», в 1990-х годах, наблюдалось отступление радикальной протестной волны предыдущих десятилетий. Глобализация 1990-х не стала прорывом к постэтническим обществам [Празаскас 1997]. Наоборот, в этот период этничность стала культурным продуктом. В это же время постепенно формируется антиглобалистское движение. В 1990-х годах глобализация начинает восприниматься уже не только как ресурс развития, но и как вызов обществу.

Э

Антиглобализм — первое транснациональное движение, которое критиковало сам процесс глобализации. Его появление воспринималось как факт, подтверждающий существование мирового гражданского общества, пусть критичного, но способ-

¹¹ То есть оторванных от реальности моделях.

ного к коммуникации. В перспективе оно могло занять место полноправного контрагента институтов глобального управления, что стало бы реальным шагом к формированию всемирной политической системы. Казалось, что в новой мирополитической реальности государства отойдут на задний план [Turner 1998].

Уже к середине первого десятилетия нового века само антиглобалистское движение распалось на множество более мелких и менее заметных течений и групп. Тем не менее ренессанс антиглобалистских лозунгов, который можно было наблюдать на пике мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010-х годов, говорит о том, что проблемы глобального развития пока не решены и будут способствовать формированию протестной идентичности у новых поколений активистов. Таким образом, массовый протест сегодня – неизменный спутник глобализации, формирующей транснациональный климат международных отношений.

Антиглобализм своими корнями связан с различными группировками левого толка, особенно с автономистскими и сквоттерскими¹² движениями, получившими распространение в Западной Европе в 1980-х годах. Один из первых антиглобалистских протестов датируется еще 1988 годом, когда во время сентябрьских саммитов Мирового банка и МВФ в Западном Берлине порядка 75 тыс. автономистов и участников «черного блока»¹³ со всей Европы и Северной Америки протестовали против власти мирового капитала [Starr, Adams 2003: 34]. Протест у левых активистов вызвали, в частности, жесткие условия, по которым МВФ в те годы выделял кредиты развивающимся странам для решения проблемы их долгового кризиса.

Тем не менее антиглобализм оформился как транснациональное движение только к концу 1990-х годов [della Porta D. et. al., 2006]. Главными его мишенями стали институты глобального экономического управления: МВФ, Мировой банк, ВТО. Период 1997–2001 годов – наиболее заметный в истории движения [della Porta D. et. al. 2006]. Антиглобалисты выступали за более справедливый мир, критике подверглись хищнические стратегии транснациональных корпораций в отношении людских и природных ресурсов развивающихся стран, а также неолиберальный курс институтов глобального управления и ведущих стран Запада.

Волнообразный характер протестных выступлений показывает, что их участники осознают свою незащищенность перед лицом издержек и негативных эффектов регулирования (либо отсутствия такового) экономической глобализации. С этой точки зрения антиглобалистские выступления могут быть поняты как протесты масс, в основе поведения которых лежит потребительское мировоззрение. Они идут на спад, как только их участники получают некоторые материальные и нематериальные уступки со стороны элиты.

В пользу такой трактовки говорит и динамика конфликтного противостояния между отдельными движениями и ТНК. Показателен пример отношений между «Движением за выживание народа огони» и компанией «Шелл» в Нигерии. Конфликт стал менее интенсивным в 2000-х годах, когда произошло некоторое перераспределение нефтяных доходов в пользу представителей этнической группы огони, которое позволило добиться повышения ее качества жизни и обеспечить доступ к потребительским благам [Boele R. et. al. 2001].

¹² Сквоттинг – самозахват покинутых / идущих под снос зданий. Распространение сквоттинга в 1960–1980-х годах может быть истолковано как одно из следствий трансформации индустриальных обществ Запада в общества потребления. Ведь ситуация изобилия создает представления об излишке, которым можно пользоваться бесплатно. В случае сквоттинга таким общественным излишком оказываются брошенные дома.

¹³ Одно из течений антиглобализма, близкое анархизму, зародившееся в 1980-х годах в ФРГ. Его участники на время демонстраций надевают черные маски на лица, что затрудняет их опознание полицией. Отсюда и название черного блока.

4

Для 2000-х годов были характерны продолжавшиеся до середины десятилетия акции антиглобалистов, а также интенсификация гражданских протестов¹⁴ в различных странах мира.

В 2000 г. происходит «бульдозерная» революция в Союзной Республике Югославии, в 2001 г. — вторая революция «ЭДСА»¹⁵ на Филиппинах, в 2003 г. — «революция роз» в Грузии, в 2004 г. — «оранжевая революция» на Украине, в 2005 г. — «кедровая революция» в Ливане и «тюльпановая революция» в Киргизии. Масштабные продемократические выступления оппозиции были характерны для политической жизни Таиланда в 2008–2014 годах¹⁶. В 2009 г. оппозиция попыталась организовать многотысячную протестную кампанию вслед за переизбранием М. Ахмадинежада на пост президента Ирана.

Для 2000-х годов характерна организация ненасильственных кампаний вокруг вопросов, непосредственно связанных с выборами. Их основным спусковым механизмом были обвинения в фальсификации выборов правящей элитой. Опротестовывались либо результаты волеизъявления, либо коррупция высших должностных лиц. Выступления подобного рода получили название «цветных» / «электоральных» революций [The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics. Successes and failures 2010: 1–12]. Узкое тематическое наполнение этих кампаний сильно отличает их от протестов, характерных для пика «третьей волны» демократизации [Huntington 1993], когда на кону стоял вопрос о фундаментальной трансформации государственных и общественных институтов. В этой связи вызывает сомнения возможность отнесения фе-

номена «цветных революций» к продолжению третьей либо началу четвертой волны демократизации. Эффект демократизации политической жизни вследствие подобных выступлений оказывается (в большинстве случаев) весьма неустойчивым.

Феномен «цветных революций» может быть рассмотрен с различных сторон. Например, он успешно проанализирован с помощью инструментария сравнительной политологии [Соловей 2011]. В то же время его не могут обойти вниманием и те исследователи, которые стремятся к осмыслению мирополитических проблем современности [Современная мировая политика: Прикладной анализ 2010: 72]. В последнем случае он рассматривался в качестве «мягкого варианта» стратегии смены режимов под влиянием цивилизационного влияния и «мягкой силы» США, а также деятельности неправительственных организаций [Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека 2008], протестных сообществ и оппозиционных сетей.

Без учета данных обстоятельств объяснение феномена «цветных революций» в категориях мирополитического анализа просто невозможно, но превалирование рационалистических подходов и трактовок создает методологическую проблему. Она состоит в том, что повышенное внимание к внешним игрокам затеняет наличие массового экспрессивного (основанного на идентичности) поведения в любой национальной вариации «цветных революций» 2000-х годов.

В основе массового протеста не всегда лежат только объективные и рациональные причины. Он может питаться общей неудовлетворенностью масс, подогреваемой глобальной визуально-образной сферой. Иными словами, с учетом глобализации и

¹⁴ Ненасильственный гражданский протест — понятие крайне широкое. Массовые выступления как форма сопротивления, как правило, являются ненасильственными, потому что «цена» участия в них для граждан остается гораздо более приемлемой, нежели «цена» участия в вооруженной борьбе. Низкая «цена» участия обеспечивает массовость ненасильственных форм протеста. Тем не менее в более узкой трактовке ненасильственный гражданский протест всегда имеет четко выраженное политическое целеполагание. Его целями могут быть: борьба с внешней оккупацией, смена режима (борьба с диктатурой/ военной хунтой), выступления за свободу самоопределения, включая сепаратизм.

¹⁵ ЭДСА — сокращенное название самой большой улицы в Маниле: Эпифанио де лос Сантос-авеню.

¹⁶ ТАСС. К ситуации в Таиланде. Досье. 27.01.2014. Доступ: <http://tass.ru/info/917391> (дата обращения: 06.07.2015).

трансформации общества потребления мирополитический подход к «цветным революциям» мог бы обогатиться, выйти за рамки анализа страновых сходств и различий, предложить оригинальный взгляд на «цветные революции» как динамический элемент современной международной среды.

В настоящей статье предпочтение отдано акценту на анализе экспрессивности поведения масс во время выступлений. «Электоральные революции» – яркий признак их «пробуждения», отказа от роли пассивных наблюдателей при подсчете голосов, отказа от возвращения к участи «молчаливого большинства». Процесс глобализации предоставил простым обывателям новые возможности проявить себя, в том числе и в качестве политической силы. Информационные технологии стали интерактивными. Массы получили возможность отвечать на «послания», адресованные им политическими лидерами, СМИ, социологическими службами.

Тем не менее новые технические возможности не открыли путь к возрождению политической рациональности, сознательному политическому выбору. Напротив, консьюмеризм с присущей ему логикой проник в политическую сферу, а избиратели стали потребителями «политического продукта». Политическое участие теперь рассматривается как социальный маркер, повышающий авторитет индивида в социальных сетях, особенно если участие подтверждено визуальным контентом.

«Цветные революции», столь тесно связанные с электоральным циклом, – возможно, лишь одно из проявлений политического консьюмеризма. Избиратели чувствуют себя обманутыми, когда экзит-поллы не совпадают с официальными результатами. Фактически они оказываются в положении неудовлетворенных потребителей, а конкуренция между оппозиционными и правящими партиями уже не мыслима без использования политического маркетинга, раскрутки политических брендов.

«Электоральные революции» – феномен, где спонтанность масс, неожиданность их появления на политической сцене

сопряжены с четкими маркетинговыми технологиями. Для них характерна протестная мобилизация масс в сжатые сроки. Общественные группы проявляют себя как субъект политического действия неожиданно для политического истеблишмента и так же стремительно уходят со сцены. Потенциал недовольства может постоянно держаться на достаточно высоком уровне, несмотря на успокаивающие элиту данные социологических опросы. Это связано с обострением проблемы политического представительства. Популизм предвыборных обещаний, характерный для современных партий вне зависимости от их идеологической ориентации, в действительности не сближает политических лидеров с народом, а, напротив, подогревает недовольство и выхолащивает институт представительства, их связывающий. Это один из возможных мотивов протестной мобилизации населения в период «цветных революций», хотя она остается зависимой и от множества других причин различной природы.

5

Мировой финансово-экономический кризис 2008 – начала 2010-х годов стал причиной новой глобальной протестной волны. Она проявила себя в оппозиционных выступлениях и многотысячных демонстрациях, обусловленных различными национальными особенностями и региональной спецификой [Богатуров 2010]. «Арабская весна» 2011 г. стала наиболее значимым по своим политическим последствиям транснациональным протестом в западном мире. Ее хронология и генезис подробно исследованы [Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года 2012; Наумкин 2013; Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы 2015; Сапронова 2015; Anderson 2011; Frangonikolopoulos, Chapsos 2012].

По прошествии нескольких лет видно, что протесты в Северной Африке и на Ближнем Востоке не принесли мирных плодов. Регион далек от демократизации: не стихающие гражданские войны в Ливии и

Сирии, набирающее силу экстремистское движение ИГИЛ, которое имеет не только амбиции по созданию собственного государства, но и реальный прогресс на этом пути (контроль над частями территории Сирии и Ирака), создание квазиправленческих структур). ИГИЛ рекрутирует добровольцев в том числе и из стран «победившей Арабской весны»: Туниса, Египта, Ливии.

В современных конгломератных обществах [Богатуров, Виноградов 2002], где сосуществуют одновременно западные и незападные образы жизни, массовая мобилизация населения чревата самыми непредсказуемыми последствиями. Когда демократический проект не приносит быстрой отдачи либо становится очевидной симуляцией, прикрывающей борьбу кланов за власть, лояльность неустроенной молодежи может обратиться к радикальным версиям традиционной модели, которая сохраняется в конгломератном социуме.

Для «Арабской весны» было характерно широкое использование участниками протестных акций новых средств коммуникации. Социальные медиа позволили протестующим не только решить проблему координации действий, но и выразить себя как силу перемен, с которой нельзя не считаться. Еще один признак того, что выступления стали протестом эпохи постмодерна, выражающим элементы идентичности, сформированной благодаря новым формам обмена и потребления, — взрывной рост произведений стрит-арта, созданного в период и сразу после «арабских революций». Граффити и другие виды уличного, урбанизированного искусства расцвели в Тунисе, Египте, Ливии. Как отмечают исследователи, настенные изображения арабских городов отображают воспоминания прохожих и местных жителей [Demerdash 2012].

Протесты в арабском мире вдохновили инициаторов движения «Occupy Wall Street»¹⁷, в связи с чем глобальную протестную волну

принято датировать 2008–2013 годами: начиная с выступлений в Исландии (2008) и заканчивая демонстрациями в Турции и Бразилии (2013) [Spreading protest: social movements in times of crisis 2014: 2]. Несмотря на все разнообразие акций, дестабилизировавших политическую обстановку в различных регионах мира на пике и сразу после мирового финансово-экономического кризиса, в них можно выделить общие черты. Среди них — апелляция к общему чувству возмущения, свойственная всем социальным движениям этого периода, при этом источник негодования возмущенных по всему миру — коррупция политического класса, характерная как для авторитарных систем, так и для представительных демократий. Другая общая черта протестных движений — попытка выработать собственную концепцию демократии, основанную на участии и обсуждении. Протестный лагерь как форма неприятия установленных политической и экономической элитой правил игры стал экспериментальной площадкой, на которой опробовались альтернативные модели демократии по всему миру [Spreading protest: social movements in times of crisis 2014: 9–11].

Наконец, более детальное сравнение протестных акций выделяет сходные черты между ними. Социологические исследования свидетельствуют, что основной состав участников движения «Occupy Wall Street» — люди в возрасте от 20 до 30 лет, как правило, с высшим образованием [Milkman 2014]. Опрос участников «Евромайдана», выявил, что большинство из них имеют работу (56%), высшее образование (66%) и находятся в возрасте от 34 до 45 лет [Onuch 2014]. Примечательно, что 37% опрошенных участников «Евромайдана» участвовали в подобной акции впервые [Onuch, 2014]. Этот результат вполне соотносится с глобальным контекстом. Согласно исследованиям, в протестные акции 2008–2013 годов были в основном вовлечены

¹⁷ На страницах антиконсюмеристского канадского журнала «Адбастерс» был размещен призыв к мирной оккупации Уолл-стрит в знак протеста против зловещего влияния корпораций на демократические институты, а также растущего разрыва в уровне благосостояния беднейших и наиболее обеспеченных слоев населения.

новички, то есть те, кто ранее не участвовал в каких-либо формах политической мобилизации [Spreading protest... 2014: 8].

Глобализация 2000-х годов повлияла на характер протестных кампаний последних лет. Технические новинки изменили среду обитания человека. Эра «цифрового потребления» сделала сам процесс потребления менее обывательски-будничным. Благодаря социальным сетям оно перестало быть замкнутым «гедонистическим проектом» для каждого. Вопреки ожиданиям, в новых условиях возрастает привлекательность социальной активности, в особенности протестной. Социальные выступления – теперь и товар, который продается и потребляется на глобальном информационном рынке. Для индивидов привлекательна возможность заявить о себе как значимой политической силе, с которой необходимо считаться. Массовый протест сегодня становится элементом самореализации.

* * *

Рассмотренные в настоящей статье протестные кампании носили транснациональный характер. Решающую роль в них сыграло участие молодежи. Источник массового протеста – неудовлетворенность, причины которой различны (социально-экономические и политические). Одновременно протест – это и выражение надежды на то, что у статус-кво есть альтернатива. Он представляет собой не только отрицание, но и элемент позитивной трансформации. Молодежь, как правило, наиболее восприимчива к нему. Это показал уже 1968 год, когда еще не говорили о глобализации, но СМИ фактически были глобальными. Именно средства массовой информации сделали доступными для людей по всему миру образы протестов, вызвав сочувствие, воодушевление и желание подражать их участникам. Иными словами, еще неосмысленный процесс глобализации создал необходимые предпосылки для транснационализации протеста.

Новым этапом в истории массовых демонстраций стал 1989 год. Выступления 1989 г. вызвали вызов всей системе социа-

листических стран, бескровно разрушив ее. В этих кампаниях больше было поставлено на кон, чем в протестах 1968 году. В то же время среди множества общих черт, объединяющих 1968 и 1989 годы, есть мало заметная, но важная с точки зрения исследования взаимосвязи глобализации и массового протеста особенность. В обоих случаях протестующие, особенно студенчество, не были нейтральны к обществу потребления. В обоих случаях консьюмеризм как доминирующее мировосприятие сыграл конституирующую роль в мотивации протестного действия. Между тем именно консьюмеризм – наиболее четкое и непосредственное выражение глобализации, если не на идейном уровне, то в повседневности. Этот «дух времени» сделался повсеместным после окончания «холодной войны». В этот период глобализация стала очевидной и определяющей характеристикой мирового развития. Одновременно проявилась ее неравномерность. Товарное изобилие усиливало и демонстрировало социальное расслоение. Как ответ на диспропорции глобального развития возникло антиглобалистское движение, активно действовавшее на рубеже двух тысячелетий, но фактически сошедшее на «нет» к середине первого десятилетия нового века.

На смену пришли движения нового поколения. В 2000-х годах заметно изменилась среда обитания индивидов. Значительно развилась сфера «цифрового потребления», возникшая на стыке информатизации и консьюмеризма. Она открыла новые площадки для статусной конкуренции и дополнительные возможности для позиционирования в системе социальных связей. Это придало массовой политике новый импульс. Теперь протест отражается в социальных медиа, его образно-визуальная составляющая потребляется как участниками сетей, так и зрителями по всему миру. Индивидуальная экспрессия, современные технические возможности и сила масс сходятся в одной точке. В таких условиях загадка состоит не в том, почему возникает протест, а в том, почему он в какой-то момент идет на спад.

Список литературы

- Бешлосс М., Тэлботт С.* На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны». Пер. с англ. М.: АО «Все для Вас», 1994, 400с.
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории / Восток-Запад-Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н.А.Симони. М.: Прогресс – Традиция, 2002. С.109–130.
- Богатуров А.Д.* Политический спазм в глобальном масштабе // Международные процессы. 2010. Том 8, №3(24). С.4–15.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А.Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «Постум», 2015. 240с.
- Галаганова С.Г.* От «рассерженных» к «возмущенным»: идеология западноевропейского протестного движения / Актуальные вопросы современных общественных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2015. С.16–18.
- Емельянов А.Л.* Трансформация традиционной дипломатии Малагасийского государства в XIX веке (диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук). М.: 2005. 492 с.
- Зайцев Д.Г.* Массовый политический протест: проблемы концептуализации и методологии анализа // Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Научная монография / Редколлегия – И.С.Семенов (отв.ред.), В.В.Лапкин, В.И.Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 124–141.
- Колпакова Я.Г.* Новые лики антиглобализма. Становление движения «Occupy Wall Street» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. №25 (658). С.80–87.
- Наумкин В.В.* Роль средств массовой информации в событиях арабской весны / Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. Избранные главы, статьи, лекции, доклады. М.: ИВ РАН, 2013. С.410–423.
- Оранжевые сети.* От Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. 208 с.
- Пономарева Е.Г.* Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2012. №1–2 (1631). С. 87–98.
- Праздускас А.А.* Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Полис. 1997. № 2. С. 95–105.
- Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы.* Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред. И.В.Следзевский, А.Д.Саватеев. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 128 с.
- Сапронова М.* Генезис арабских революций // Международные процессы. Т.9. №3(27). Сентябрь–декабрь 2011. С. 129–136.
- Сапронова М.* Становление новой государственности на арабском востоке // Международные процессы. 2015. Т. 13. №3. С. 26–39.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А.В.Коротаев, Ю.В.Зинькина, А.С.Ходунов. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 463 с.
- Современная мировая политика: Прикладной анализ* / Отв. ред. А. Д. Богатуров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. –592 с.
- Соловей В.Д.* «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политология. 2011. №1. С. 33–43.
- Шульц Э.* Управление социальным протестом как технология и содержание «арабской весны» // Международные процессы. 2015. Том 13. №1. С. 89–96.
- Яковлев А.И.* Опыт революции 1968 года и арабской весны. // Восточная аналитика. Ежегодник 2012. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 186–194.
- Anderson L.* Demystifying the Arab Spring. Parsing the Differences Between Tunisia, Egypt, and Libya // Foreign Affairs. Vol. 90. No.3. 2011. pp. 2–7.
- Berk R.W.* The Human Consequences of Consumer Culture. Elusive Consumption / Ed. by Ekström K.M., Brembeck H. Oxford: Berg. 2004. pp. 67–86.
- Boele R., Fabig H., Wheeler D.* Shell, Nigeria and the Ogoni. A Study in Unsustainable Development. The Story of Shell, Nigeria and the Ogoni People – Environment, Economy, Relationships: Conflict and Prospects for Resolution // Sustainable Development. No. 9. 2001. P. 74–86.
- Boyle Gray M.* Consumer Spending on Durables and Services in the 1980s // Monthly Labor Review. 1992. May. P.18–26.
- della Porta D., Andretta M., Mosca L., Reiter H.* Globalization from below. Transnational Activists and Protest Networks. Minnesota: University of Minnesota Press. 2006. 336p.
- Demerdash N.* Consuming Revolution: Ethics, Art, and Ambivalence in the Arab Spring // New Middle Eastern Studies. Vol.2. 2012. 17p. URL: <http://www.brismes.ac.uk/nmes/archives/970> (дата обращения: 06.07.2015).

- Epstein M.N.* Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology // Kennan Institute Occasional Paper Series. No. 243. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars. 1990. 94 p.
- Fink C., Gassert Ph., Junker D.* 1968: the World Transformed. Washington, D.C.: German Historical Institute, Cambridge University Press. 1998. 490 p.
- Frangonikolopoulos Ch. A.; Chapsos, I.* Explaining the Role and the Impact of the Social Media in the Arab Spring // Global Media Journal: Mediterranean Edition. Vol. 7. Iss.2. Fall. 2012. pp. 10–20.
- Harrison D.M.* Consumerism / Globalization and Human Security: An Encyclopedia. Vol. 2 / Ed. by Honor Fagan G., Munck R. Westport CT: Praeger Security Press. 2009. pp. 45–62.
- Hirszowicz M.* The Bureaucratic Leviathan. NY: New York University Press. 1980. 208p.
- Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Oklahoma: University of Oklahoma Press. 1993. 366 p.
- Jones G.* Multinationals and Global Capitalism: From the Nineteenth to the Twenty-First Century. Oxford: Oxford University Press. 2005. pp. 16–42.
- Lehdonvirta V.* A history of the digitalization of consumer culture: From Amazon through Pirate Bay to Farm Ville / Digital Virtual Consumption / Ed. by Denegri-Knott J., Molesworth M. L.: Routledge. 2012. pp. 11–28.
- Marwick A.* “1968” and the Cultural Revolution of the Long Sixties (c.1958 – c.1974). Transnational Moments of Change: Europe 1945, 1968, 1989 / Ed. by Rainer-Horn G., Kenney, P. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2004. pp. 84–91.
- Mauss M.* The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies. Eastford CT: Martino Fine Books. 2011. 146 p.
- McCracken G.* Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities. Bloomington: Indiana University Press. 1990. 192p.
- Milkman R.* Millennial Movements. Occupy Wall Street and the Dreamers. // Dissent. Summer 2014. pp. 55–59.
- O'Brien R., Williams M.* Global Political Economy. Evolution and Dynamics. Second ed. Houndmills, Basingstoke and NY: Palgrave Macmillan. 2007. 473 p.
- Onuch O.* “Who Were the Protesters?” // Journal of Democracy. Vol. 25. No.3. 2014. pp. 44–51.
- Rosenberg E.S.* Consumer capitalism and the end of the Cold War / The Cambridge History of the Cold War, vol.3: Endings / Ed. by Leffler M.P., Westad O.A. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. pp. 489–598.
- Schell O.* Discos and democracy: China in the Throes of Reform. NY: Pantheon. 1988. 384 p.
- Spreading protest: social movements in times of crisis / Ed. by D. della Porta, A.Mattoni. Colchester: ECPR Press. 2014. 324 p.
- Starr A., Adams J.* Anti-globalization: The Global Fight for Local Autonomy // New Political Science. Vol. 25. No. 1. 2003. pp. 19–42.
- The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics. Successes and failures / Ed. by D. Ó Beacháin, A.Polese. L., NY: Routledge. 2010. 272 p.
- The Oxford Handbook of Business History / Ed. by G.Jones, J.Zeitlin. Oxford: Oxford University Press. 2008. 717 p.
- Tomka B.* A Social History of Twentieth-Century Europe. L., NY: Routledge. 2013. 552p.
- Turner S.* Global Civil Society, Anarchy and Governance: Assessing an Emerging Paradigm // Journal of Peace Research. Vol.35. No.1. 1998. pp.25–42.
- Wallerstein I.* New Revolts against the System // New Left Review. Iss.18. 2002. pp. 29–39.

GLOBALIZATION AND SOCIAL PROTEST

ELIZAVETA GROMOGLASOVA

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 117997, Russian Federation

Abstract

Today globalization has become a ‘catch-all’ word, often used to explain everything in the contemporary world. However, it still has an explanatory value, if combined with the “meta-level” theories and

approaches. In this paper I try to explain why and how globalization impacts mass protest behavior. So, a priori I suggest that globalization processes do matter in contentious politics and their transnationalization. In doing so, I align with a long-standing academic tradition of studying social movements and patterns of their dissemination around the world. What is really new in my approach to the topic is the 'meta-level' concepts I use to explain globalization's impact on mass protest behavior. I introduce the analytical framework heavily based on the concept of 'consumer society' in its sociological interpretation. It means that consumption is not only a process to satisfy basic needs but also a human activity aimed at gaining status in the social structure. Thus, I assume that globalization most directly affects individuals wherever they live and work through consumption, transforming its processes and objects. The impact of globalization on consumer society becomes mostly obvious if we consider the interaction of consumer society and information society and the birth of the digital virtual consumption. So, consumption nowadays determines not only the day-to-day material activities of the millions of peoples. It also strongly affects their dreams and desires. But consumer society produces not only abundance and affluence, but also deficit and dissatisfaction. So I turn to the analysis of the mass protest behavior arguing that the initial point of all the protest whatever kind and scope is the feeling of the dissatisfaction and deficit.

The empirical part of my paper contains several case-studies. It begins with the analysis of the 1968 student revolts. I show that the 1968 protest was perhaps one of the first manifestations of the ongoing globalization process that nevertheless wasn't identified at that time. The 1968 global revolts embrace the First (the USA and Western European countries), the Second (the 'Prague Spring') and the Third (Mexico, Jamaica) worlds. I pay special attention to the fact that the student uprisings in Western countries contemporized with the birth of the affluent consumer society in the USA and West Europe. So, I interpret the 1968 student protest as a reaction to the deficit of the freedom in the interpersonal and family relations. 'Archaic' social taboos of the 1950s were questioned by the generation of the "1960s" who already enjoyed all the 'fruits' of affluence. I continue tracing the impact of globalization on the mass protest movements with another case-study: the 1989 transnational popular uprisings in the former Eastern bloc. In so doing I pay a special attention to the 'commodity deficit' in the socialist countries in the late 1980s as one of the factors that galvanized public unrest. It's commonly accepted that the velvet revolutions and the end of the cold war opened a door to the all-embracing globalization process. After that moment the impact of globalization on the birth of new social movements became more complex. During the 1990s it was realized that globalization isn't a force for good, and therefore it must be regulated and contained. So, the antiglobalization movement started to manifest itself worldwide in a lot of protest campaigns. In my approach I interpret the ideology of antiglobalization movement as mainly a reaction to the inequality and deficits produced by globalization especially in developing countries.

In conclusion I briefly trace the newest mass protest campaigns of the 2000-2010s paying special attention to colour revolutions and popular uprisings after the global financial crisis of 2008 (Arab spring, Occupy Wall Street and Euromaidan). I suggest that new means of communication (social media) not only build a new opportunity structure for the social activists, but also allow millions of people to express their identity and become powerful actors and a force of change that couldn't be neglected by the rulers. The era of 'virtual digital consumption' adds a new dimension to the mass protest movements and facilitates their dissemination around the world. Therefore, I conclude by insisting on the returning of the "masses" on the global political scene.

Keywords:

mass protest, globalization, consumer society, social movements, 1968, student revolts, 1989, velvet revolutions, antiglobalization movement, colour revolutions, global financial crisis, Arab spring, Occupy Wall Street, Euromaidan.

References

- Anderson L. (2011). Demystifying the Arab Spring. Parsing the Differences Between Tunisia, Egypt, and Libya. *Foreign Affairs*. Vol. 90. No.3. pp. 2–7.
- Baudrillard J. (2006). *Obshchestvo potreblenija. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Per. s fr., poslesl. i primech. E.A.Samarskoj. Moscow. Respublika; Kul'turnaja revolucija. 269 p.
- Baudrillard J. (2015). *Simuljakry i simuljacii* [Simulacra and Simulation]. Moscow. Izdatel'skij dom «Postum». 240 p.

- Belk R. W. (2004). The Human Consequences of Consumer Culture. *Elusive Consumption*. Ed. by Ekström K. M., Brembeck H. Oxford. Berg. pp. 67–86.
- Beschloss M.R., Talbot S. (1994). *Na samom visokom urovne. Zakulisnaja istorija okonchanija «holodno vojny»* [At the Highest Levels: the Inside Story of the End of the Cold War]. Moscow: AO «Vse dlja Vas». 400s.
- Boele R., Fabig H., Wheeler D. (2001). Shell, Nigeria and the Ogoni. A Study in Unsustainable Development. The Story of Shell, Nigeria and the Ogoni People – Environment, Economy, Relationships: Conflict and Prospects for Resolution. *Sustainable Development*. Vol. 9, No. 2. pp. 74–86. DOI: 10.1002/sd.161
- Bogaturov A.D. (2010). Politicheskij spazm v global'nom masshtabe [The Political 'Spasm' in the Global Scale]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 8, No. 3(24). S. 4–15.
- Bogaturov A.D. (ed.) (2010). *Sovremennaja mirovaja politika: Prikladnoj analiz* [Modern World Politics: Applied Research]. Moscow: Aspekt Press. 592 s.
- Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. (2002). Anklavno–konglomeratnyj tip razvitiya. Opyt transsistemnoj teorii. [The 'Enclave–Conglomerate' Type of Development: An Essay on Trans-systemic Theory]. *Vostok–Zapad–Rossija. Sbornik statej. K 70-letiju akademika N.A.Simonii*. Moscow. Progress – Tradicija. S.109–130.
- Boyle Gray M. (1992). Consumer Spending on Durables and Services in the 1980s. *Monthly Labor Review*. May, P.18–26.
- della Porta D., Andretta M., Mosca L., Reiter H. (2006). *Globalization from below. Transnational Activists and Protest Networks*. Minnesota. University of Minnesota Press. 336 p.
- della Porta D., Mattoni A. (eds) (2014). *Spreading protest: social movements in times of crisis*. Colchester. ECPR Press. 324 p.
- Demerdash N. (2012). Consuming Revolution: Ethics, Art, and Ambivalence in the Arab Spring. *New Middle Eastern Studies*. Vol.2. 17p. Available at: <http://www.brismes.ac.uk/nmes/archives/970> (accessed: 06.07.2015)
- Emel'yanov A.L. (2005). *Transformacija tradicionnoj diplomatii Malagasijskogo gosudarstva v XIX veke* [dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk] [Transformation of the Traditional Diplomacy in Malagasy State in XIX century (unpublished doctoral thesis)]. Moscow. 492 s.
- Epstein M.N. (1990). Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: An Inquiry into the Language of Soviet Ideology. *Kennan Institute Occasional Paper Series*. No. 243. Washington, D.C. Woodrow Wilson International Center for Scholars. 94 p.
- Fink C., Gassert Ph., Junker D. (1998). *1968: the World Transformed*. Washington, D.C.P: German Historical Institute, Cambridge University Press. 490 p.
- Frangonikolopoulos Ch. A.; Chapsos, I. (2012). Explaining the Role and the Impact of the Social Media in the Arab Spring. *Global Media Journal: Mediterranean Edition*. Vol. 7. Iss.2. Fall. pp. 10–20.
- Galaganova S.G. (2015). Ot «krasserzhennyh» k «vozmushhennyh»: ideologija zapadnoevropejskogo protestnogo dvizhenija [From 'the Angry Citizens' to 'the Indignant Citizens' Movement: the Ideology of the Western European Protest Movement]. *Aktual'nye voprosy sovremennyh obshhestvennyh nauk*. Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno–prakticheskoy konferencii. Ekaterinburg. S.16–18.
- Harrison D. M. Consumerism. (2009). *Globalization and Human Security: An Encyclopedia*. Vol. 2. Ed. by Honor Fagan G., Munck R. Westport CT. Praeger Security Press. pp. 45–62.
- Hirszowicz M. (1980). *The Bureaucratic Leviathan*. NY: New York University Press. 208p.
- Huntington S.P. (1993). *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Oklahoma. University of Oklahoma Press. 366 p.
- Jakovlev A.I. (2012). Opyt revoljucii 1968 goda i arabskoj vesny [The Experience of the 1968 Revolution and Arab Spring]. *Vostochnaja analitika*. Ezhegodnik 2012. Institut vostokovedenija Moskva. S. 186–194.
- Jones G. (2005). *Multinationals and Global Capitalism: From the Nineteenth to the Twenty-First Century*. Oxford. Oxford University Press. pp. 16–42.
- Jones G., Zeitlin J. (eds) (2008). *The Oxford Handbook of Business History*. 2008. Ed. by Oxford: Oxford University Press. 717 p.
- Kolpakova Ja.G. (2012). Novye liki antiglobalizma. Stanovlenie dvizhenija «Occupy Wall Street» [New Faces of Antiglobalism. The Emergence of 'Occupy Wall Street' Movement]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. №25 (658). S.80–87.
- Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V., A.S.Hodunov A.S. (eds) (2012). *Sistemnyj monitoring global'nyh i regional'nyh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda* [The Systemic Monitoring of the Global and Regional Risks: The Arab Spring of 2011]. Moscow. Izdatel'stvo LKI. 463 p.
- Lehdonvirta V. (2012). A history of the digitalization of consumer culture: From Amazon through Pirate Bay to Farm Ville. *Digital Virtual Consumption*. Ed. by Denegri-Knott J., Molesworth M. L. Routledge. pp. 11–28.

- Marwick A. (2004). "1968" and the Cultural Revolution of the Long Sixties (c.1958 – c.1974). *Transnational Moments of Change: Europe 1945, 1968, 1989*. Ed. by Rainer-Horn G., Kenney, P. Lanham. Rowman & Littlefield Publishers. pp. 84–91.
- Mauss M. (2011). *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*. Eastford CT. Martino Fine Books. 146 p.
- McCracken G. (1990). *Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities*. Bloomington. Indiana University Press. 192p.
- Milkman R. (2014). Millennial Movements. Occupy Wall Street and the Dreamers. *Dissent*. Summer. pp. 55–59.
- Narochnitskaya N.A. (ed.) (2008). *Oranzhevyje seti. Ot Belgrada do Bishkeka* [The Orange Networks: from Belgrade to Bishkek]. Saint Petersburg: Aletejja. 208 p.
- Naumkin V.V. (2013). Rol' sredstv massovoj informacii v sobytijah arabskoj vesny [The Role of the Mass Media in the 'Arab Spring' Events]. *Arabskij mir, islam i Rossija: proshloe i nastojashhee. Izbrannye glavy, stat'i, lekcii, doklady*. Otv.red. V.Ja. Belokrenickij, I.D. Zvjagel'skaja. Moscow. IV RAN. pp. 410–423.
- Ó Beacháin D., Polese A. (eds) (2010). *The Colour Revolutions in the Former Soviet Republics. Successes and failures*. L., NY: Routledge. 272 p.
- O'Brien R., Williams M. (2007). *Global Political Economy. Evolution and Dynamics*. Second Edition. Houndmills, Basingstoke and NY. Palgrave Macmillan. 473 p.
- Onuch O. (2014). Who Were the Protesters? *Journal of Democracy*. Vol. 25. No.3. pp. 44–51.
- Ponomareva E.G. (2012). Sekrety «tsvetnykh revolucij» [The Secrets of the Colour Revolutions]. *Svobodnaja mysl'*. №1–2 (1631). S. 87–98.
- Prazauskas A.A. (1997). Yetnonacionalizm, mnogonacional'noe gosudarstvo i processy globalizacii [Ethnonationalism, Multination State and Globalization Processes]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. No. 2. pp. 95–105.
- Sledzevskij I.A., Savateev A.D. (2015). *Protestnye dvizhenija v arabskih stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy. Materialy konferencii «kruglogo stola»* [The Protest Movements in the Arab Countries: Preconditions, Main Features, Perspectives. The Round Table Materials]. Moscow: LENAND. 128 p.
- Rosenberg E.S. (2010). Consumer capitalism and the end of the Cold War. *The Cambridge History of the Cold War, vol.3: Endings*. Ed. by Leffler M.P., Westad O.A. Cambridge. Cambridge University Press. pp. 489–598.
- Sapronova M. A. (2011). Genezis arabskikh revolucij [The Genesis of the Arab Revolutions]. *Mezhdunarodnyje processy*. T.9. №3(27). S. 129–136.
- Sapronova M.A. (2015). Stanovlenie novoj gosudarstvennosti na arabskom vostoce [Emergence of a New Statehood in the Arab World]. *Mezhdunarodnyje protsessy*. 2015. Vol. 13. No. 3. P. 26–39. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.42.2
- Schell O. (1988). *Discos and Democracy: China in the Throes of Reform*. NY. Pantheon. 384 p.
- Shul'ts Je. (2015). Upravlenie sotsial'nym protestom kak tehnologija i sodержanie «arabskoj vesny» [Manipulation of Social Protests as the Technology and Content of "Arab Spring"]. *Mezhdunarodnyje processy*. 2015. Vol. 13. №1. S.89–96.
- Solovej V.D. (2011). «Tsvetnye revoljutsii» i Rossiya [“Colour revolutions” and Russia] // *Sravnitel'naja politika*. No. 1. S. 33–43.
- Starr A., Adams J. (2003). Anti-globalization: The Global Fight for Local Autonomy. *New Political Science*. Vol. 25. No. 1. pp. 19–42.
- Tomka B. (2013). *A Social History of Twentieth-Century Europe*. L.,NY: Routledge. 552 p.
- Turner S. (1998). Global Civil Society, Anarchy and Governance: Assessing an Emerging Paradigm. *Journal of Peace Research*. Vol.35. No.1. pp.25–42.
- Wallerstein I. (2002). New Revolts against the System. *New Left Review*. Iss.18. pp.29–39.
- Zajtsev D.G. (2014). *Massovyj politicheskij protest: problemy konceptualizacii i metodologii analiza* [Mass Political Protest: Problems of Conceptualization and Analytical Methodology]. Politicheskie izmenenija v global'nom mire: teoretiko-metodologicheskie problemy analiza i prognozirovanija. Nauchnaja monografija. Redkollegija: I.S.Semenenko (otv.red.), V.V.Lapkin, V.I.Pantin . Moscow. IMEMO RAN. S. 124–141.